

А. В. Головнёв
ИСТОРИЯ ON-LINE

11 сентября 2012 года. Я лечу из Екатеринбургa в Москву, в самолете листаю попавшие в руки газеты. Руки отвыкли от газет, которые еще недавно шелестели повсюду: их читали, разносили, продавали, подстилали, в них заворачивали еду и цветы, ими терли окна и били мух. Человек с газетой был настолько типичен, что под него маскировались сыщики и шпионы. Метрополитен был набит «читателями газет», представлявшимися М. Цветаевой «хватателями минут» и «глотателями пустот». Однако газетное слово несло не только тщету, но и высшую волю. Оно рождало народных героев и врагов, в одночасье предрешало судьбы людей, заводов, колхозов (например, статья И. Сталина «Головокружение от успехов» в мартовском номере «Правды» за 1930 г.). Роль «Правды» и «Известий» с их многочисленными отраслевыми и локальными клонами в советской истории и мифологии громадна. И перестройка сопровождалась шумным газетным бумом, хотя и прощальным: медиа-пространство, за обладание которым пожилая газета сошлась в поединке с возмужавшим TV, уже оплеталось тугими нитями Мировой Паутины.

Оглядываясь по сторонам: в салоне самолета с газетой сижу я один, у остальных в руках мобильники, смартфоны, ноут- и нетбуки, ай-пады (впервые пишу это слово кириллицей, наверное, с ошибкой). Впрочем, газета до сих пор сохраняет ряд конкурентных преимуществ. Во-первых, ее можно не сворачивать на время взлета и посадки. Во-вторых, чтение газет в авиарейсе сродни парению над бранным миром. В-третьих, газета, в отличие от эфемерных твитов, постов и эсэмэсок, осязаема и хоть сколько-то основательна: пусть и «периодическая», но все же она «печать», пусть и мало похожа на скрижаль, но все же «исторический источник».

Или сегодняшняя история запечатлевается иными источниками? Порой кажется, что информационная революция сорвала историю с печатных страниц и унесла в бушующий кибер-океан, где царят другие законы (если они

вообще есть), мгновения похожи на вечность, а миражи — на реальность. Это уже не стоящее на полке многотомное собрание последовательно изложенных фактов, а подвижная сеть действующих лиц и событий, изначально связанных или ситуативно связываемых множеством мотивов, ассоциаций, сценариев. Вся история может отразиться в одном мгновении, как мир — в капле росы, и происходит это непрерывно. Вот и сейчас, ранним утром 11 сентября 2012 г., громадина истории, ворочаясь спросонок в глобальной информационной сети, проявляется во множестве событий, которые, в свою очередь, только случившись, уже прирастают к ее большому телу. Загадочный круговорот. Какая его часть отпечатывается на страницах газет? Насколько то, что происходит сейчас и кажется важным, вообще исторично?

Журавль в небе

«Известия». В статье «Полет стерхов и внешнеполитический реализм»¹ Д. Дробницкий пытается понять, зачем президент В. Путин поднялся на дельтаплане в небо над Ямалом, обучая стерхов правильно летать. Стерх — белый журавль (*Grus leucogeranus*) — редкая птица, занесенная в Красную книгу. На Ямале для сохранения мест их гнездования был создан заказник «Куноватский», но, несмотря на старания орнитологов, стерхи там почти вывелись. Взамен были привезены и интродуцированы журавлята из Окского биосферного заповедника. Однако у них нет нужной генетической навигационной памяти, и совершить перелет на юг они могут лишь вслед за мотодельтапланом. Для этого пилот в белом комбинезоне и шлеме заранее приучает стаю к себе, а в полете на юг играет роль вожака. Так выглядит экологический проект «Полет надежды», основанный на опыте американских дельтапланеристов по сопровождению птичьих стай. В этом проекте и принял участие президент России. Прибыв в начале сентября на Ямал и полетав с журавлями над орнитологической станцией «Кушеват» на Оби, Путин доверил сопровождение стаи на юг пилоту-профессионалу, а сам отправился на саммит стран

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с. Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

¹ Все упоминаемые в тексте статьи газет от 11.09.2012.

Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивосток.²

Д. Дробницкий увидел в полете Путина «месседж» президенту США Б. Обаме, соперничающему в изнурительной предвыборной гонке с республиканцем М. Ромни. Суть этого экологического «месседжа» (автор так и пишет «месседж», видимо, чтобы понятнее было Обаме) состоит в завуалированной поддержке демократов, пристрастных к экологии. Недаром в Госдепартаменте США акция нашла живой отклик; «его официальный представитель Патрик Вентрелл заявил на пресс-конференции, что смотрел видео о журавлином проекте и положительно оценивает личную вовлеченность президента России в спасение исчезающих видов животных».

По мнению других аналитиков, полет Путина продолжает ряд его имиджевых трюков — полеты на истребителе, бомбардировщике и пожарном самолете, эпизоды «дипломатии дзюдо», баттерфляй в Туве, ныряние за амфорами у Фанагории, пожатие лапы белому медведю на Земле Франца-Иосифа, усыпление амурского тигра, проезд на болиде «Формулы 1» по трассе в Санкт-Петербурге, на комбайне — по кукурузному полю в Ставрополье и на «Ладе-Калине» — по Дальнему Востоку. На тему «Путин и журавли» Рунет прорвало эмоциями от лиричных «Я бы полетела с Владимиром Путиным и журавлями» и «Идея с журавлями супер! красиво, поэтично и окажет огромную помощь в сохранении этих редких птиц» до едких «Путин — альфа-журавль нации!», «Путин ведет корюшку на нерест», «Дятлов корм пусть еще научит добывать».

В этом многоголосии нелегко различить партитуру. Голос «вездесущего и бесстрашного» президента тонет в гвалте столь же «вездесущего и неумного» Рунета. В кибер-пространстве сливаются злобные, восторженные, ворчливые, насмешливые тона, каждый из которых исполняет собственную вариацию или пародию на журавлиную тему. На самом деле Путин высказался лишь о своем участии в тренировочных полетах журавлей и о достоинствах дельтаплана, а уже Рунет скроил из этого участия фигуры вождизма («вожак стаи») и комизма («с птичьим клювом»³).

Политолог Г. Павловский назвал журавлиный проект «плохим пиаром». В том, что президент ядерной державы ведет стаю журавлей, В. Шендерович усмотрел высокую «степень самопародийности». В ряду прочих эта акция представилась многим попыткой поддержать слабеющую популярность президента: в качестве эмоциональной ассоциации комментаторы вспомнили популярную в 1980-х песню В. Леонтьева «Дельтаплан» со словами «Наверно, только дельтаплан поможет мне, поможет мне».

Не вмешиваясь в «птичий базар» Рунета, а лишь наблюдая за журавлиной историей со стороны (из иллюминатора аэробуса), отмечу, что глас народа звучит слишком взволнованно в сравнении со спокойным тоном президента. В градусе пиара народ (Рунет) заметно опережает путинских имиджмейкеров, благодаря чему «приключения президента» становятся популярным шоу и вызывают несмолкающее эхо. А в выражениях вроде «альфа-журавль нации» слышен отзвук не только сатиры, но и «чаяний народа».

В журавлиной истории высветилось дюркгеймовское правило: «сила авторитарных правительств происходит... не от них самих, а от самого устройства общества... Всякий раз, когда мы сталкиваемся с правительственным аппаратом, наделенным большой властью, нужно стараться искать основание ее не в особом положении управляющих, но в природе управляемых ими обществ».⁴

Отношение общества (в лице Рунета) к своему политическому лидеру (президенту РФ), при многообразии оттенков, полнится страстью — смесью пристрастия, подобострастия и любострастия. Избыточная надрывность не располагает к выдержанному достоинству и утонченному юмору. Тут впору вспомнить о загадочном российском архетипе — гремучей смеси покорности и мятежности (впрочем, не только российском: З. Фрейд считал тягу к терзанию вождей универсальной). Это не разные состояния, а одно, оборачивающееся разными гранями. Подобно другим страстям (любовь—ненависть, преданность—ревность), покорность и мятежность ситуативно чередуются. Обычно в покорности видят рабскую подавленность, но в России это скорее привяз-

² Когда номер журнала готовился к печати, пришло известие, что стерхи так и не долетели до Центральной Азии: они вернулись на самолете в родной Окский заповедник на Рязанщине, где и будут зимовать.

³ В действительности орнитологи надевают птичий клюв-

имитатор не на лицо, а на руку, пользуясь им для кормления птенцов и общения с ними.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 185, 186.

чивость, граничащая с религиозностью. Мазохистская покорность полна внутренней страсти и способна вывернуться своей бунтарской изнанкой, садистски низвергая вождей и идолов (например, христианство и коммунизм), но тут же начинает искать себе новый объект вожделения и веры. Вспышка «страстей по стерхам» на мгновение высветила это свойство российской (или вообще человеческой?) натуры.

Лично меня, — подумал я, откидываясь поудобнее в самолетном кресле, — не раздражает физическое состояние 60-летнего президента, плавающего баттерфляем, ныряющего с аквалангом, умеющего бороться и не боящегося высоты.

Космос как сочувствие

«Комсомольская правда». Н. Кузьмина сообщает, что премьер-министр Д. Медведев провел совещание с руководством Роскосмоса по поводу неудачного запуска ракеты-носителя «Протон-М». Тут же выяснилось, что за последние полтора года случилось шесть аварийных пусков: сначала рухнули в океан спутники ГЛОНАСС, затем космическим мусором стал геодезический спутник «Гео-ик-2», а месяц назад, в августе, произошла авария ракеты-носителя «Протон-М» со спутниками «Экспресс-МД2» и Telkom-3. Общие потери, не считая урона престижа, составили 3 млрд рублей. По словам премьер-министра, «ни в одной из ведущих космических держав такого количества неудачных пусков не было»; «ракеты не долетают из-за того, что ответственности у разработчиков и производителей нет».

Были времена, когда в нашем отечестве и стерхи, и ракеты летали лучше, когда советские дети мечтали стать космонавтами. С 1957 г. СССР захватил лидерство в космической гонке, и слово «спутник» вошло во многие языки мира. Вскоре появилось и слово «капутник» (спутник+капут): так в западной прессе назвали американский аппарат, запущенный в декабре 1957 г. (через два месяца после советского Спутника), который оторвался от площадки на Мысе Канаверал на четыре фута и, потеряв управление, взорвался.

В начале 1960-х мир, как замороженный, следил за космическим поединком супердержав. По воспоминаниям моего друга, финского политолога Л. Хейнинена, полет Гагарина нокаутировал Запад: он был воспринят как

чудо социализма, пошатнувшее веру в капитализм. В СССР отставание от Запада затмилось космическими победами, и через полгода после полета Гагарина, в октябре 1961 г., Н. Хрущев с трибуны XXII съезда КПСС объявил, что к 1980 г. в СССР будет построен долгожданный коммунизм и «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Профессор Хейнинен закончил воспоминания анекдотом: «Где находится аэропорт Шереметьево-3? — На Красной площади». Так в 1990-е гг. обыгрывали на Западе и в России казус приземления у Кремля 18-летнего немецкого пилота-любителя М. Руста, перелетевшего на спортивном самолете Cessna 172 Skyhawk из Гамбурга через Хельсинки в Москву. Юный немец вмиг опрокинул миф о неприступности социалистической сверхдержавы. Как назло его дерзкий перелет через границу СССР случился в День пограничника (28 мая 1987 г.). У моего финского друга траектория сверхдержавы от величия до падения выразилась в формуле «от Гагарина до Руста».

«Космос» (Спутник, Королёв, Гагарин) — самый яркий и безупречный бренд России/СССР новейшего времени. Как ни славно выглядят победоносные отечественные войны, их омрачают тени массовых убийств и уязвленных врагов, скепсис относительно цены победы, заслуг и наград, судеб победителей и побежденных. Космическая победа свободна от подобных негативных наслоений: в ней мечта и интеллект, напряжение и открытие, риск и сенсационный результат. Она — прорыв всего человечества, а не отдельной страны. В ней выражена сверхидея всех культур, религий и наук — освоение землянами космоса. Она неоспорима и не отменяется никакими последующими неудачами. Конечно, бренд сиял бы на всю Галактику, сохрани Россия свое лидерство в космосе. Егохватило бы и на приоритет в международном разделении труда, и на национальную (космическую) идею.

Но наследники С. Королёва разучились запускать ракеты. Когда там, где создали Спутник, через полвека делают «капутник», возникает сомнение не только в потенциале России, но и в идее прогресса. Упадок случился в период бурного развития технических наук и высоких технологий, и, судя по всему, дело тут не в технике. Глава Роскосмоса уверяет, что это не системный кризис, а временные трудности.

«Комсомольская правда». Д. Смирнов информирует, что от завершившегося во Владивостоке форума АТЭС Дальневосточному федеральному университету (ДФУ) достался полностью оборудованный кампус на острове Русский. Теперь ДФУ по площади корпусов (около 1 млн кв. м) равен МГУ. «Владимир Путин передал руководству Дальневосточного университета ключи от кампуса и оборудование на 1 миллиард рублей». По словам президента, преподаватели и студенты получили «один из... лучших в мире университетских кампусов. Такого строительства — в таком объеме, такого качества и под такие цели — наша страна давно не осуществляла. Можно, наверное, сравнить только с созданием Сибирского отделения Академии наук России. Мы все очень рассчитываем, что этот ваш университет станет интеллектуальным центром развития Дальнего Востока нашей страны». В числе приоритетных задач для университета обозначена подготовка кадров для проектируемого на Дальнем Востоке космодрома.

Лучше поздно, чем никогда. Именно университеты и наука могут воскресить «космическую Россию». И только ради университета стоило провести во Владивостоке грандиозный саммит АТЭС. Правда, как пишет в том же номере «Комсомольской правды» А. Милкус, эксперты считают, сто сегодняшние российские университеты поражены ленью и порочными установками на обучение худших за счет лучших, на развитие без риска. Для подъема высшего образования до мирового уровня надо «три четверти вузов закрыть, профессоров за плагиат выгонять!» (так и называется статья).

Круг замкнулся: Россия—космос—наука—молодость. Он не то чтобы порочный, но в нем нет сцепления. Наверное, потому что звенья не соединены единым проектом, вращающим механизмом и, главное, гуманитарной мотивацией. За последние годы гуманитарная мотивация была всецело замещена так называемым эффективным менеджментом, который на практике оказался корыстным расчетом и действиями по предписанным схемам. Этот менеджмент, подавляющий творчество, приводит в лучшем случае к зависимости от заимствованных технологий, в худшем — к складыванию целой индустрии коррупции, «откатов», «распилов» и прочих способов фиктивной модернизации. Без активации гуманитарных ценностей «эффективный ме-

неджмент» успешно переварит и превратит в безликий суррогат весь оставшийся в России человеческий капитал.

Альтернативой космосу в 1960-е гг. стали недра. Первоначально овеянная героикой труда и романтикой открытий, нефтедобыча вскоре обернулась «сырьевым мышлением» и «ресурсным проклятием». «Политэкономия Трубы» превратилась в идеологию потребления, подмыла опоры амбициозного социализма и даже мотивировала его крах, поскольку раздел и «эффективный менеджмент» прибыльных нефтепромыслов стал для российской «элиты» выгоднее ветхого тоталитарного проекта. И сегодня Труба остается «национальной идеей» России.

Сырьевой менталитет с его культом денег и этикой сервиса вполне удовлетворяется вторичностью и потребительством. Ему не до лидерства и достижений. Повзрослевшее ныне поколение хорошо знает, что благосостояние достигается не трудом, а маневрами вокруг Трубы и стерегущей ее власти — «эффективным менеджментом». Популярное еще недавно понятие «труд» уступило место «отдыху». Самый усталый народ — такое впечатление складывается о жителях России, отдыхающих на всех курортах мира и отмечающих все мыслимые праздники. Может быть, действительно народ подустал от «самоотверженного труда» прошлого века?

На сентябрьском саммите АТЭС во Владивостоке, помимо прочего, было подписано соглашение об инвестициях в развитие «приморского Лас-Вегаса» — зоны развлечений (включая казино и туризм) в бухте Муравьиной Уссурийского залива (М. Киселева, «Известия»). Любопытно, какой из проектов — казино или космодрома — окажется успешнее и органичнее. «Золотой телец», которому, за отсутствием более ярких культов, поклоняется современная Россия, не расположен к полетам в космос, разве что на отдых в плане туризма. Современному потребителю пришлось бы по вкусу синтетический проект — казино в космосе.

Мешаю дремать соседу шелестом газет, со страниц которых мне подмигивает мутирующая ментальность: «Наша мясная индустрия готова производить колбасу из саранчи», «Могила первобытного “голубого” обнаружена в Чехии», «Как сделать из вклада клад?», «Ублюдков в мире достаточно», «Адвокат Абрамовича получил рекордный гонорар».

Пуссизм

«Комсомольская правда». Е. Чинкова интервьюирует настоятеля московского храма св. Пророка Илии игумена Тимофея (Подобедова), который в ночь на 1 августа (канун памяти преп. Серафима Саровского) протаранил на кабриолете BMWZ4 два автомобиля на Садовом кольце. Потерпевшие дамы уверяют, что «пьяный батюшка едва держался на ногах». Игумен возражает: «Естественно, я шатался, потому что получил двойной удар плюс удар подушки безопасности»; «когда инспектор писал, что я был пьян, я не соглашался»; позднее «мое извинение было искажено и пересказано как извинение за пьяное состояние». Настоятель сожалеет, что в злополучную ночь не заказал такси, и раскаивается: «Спорткар для священника непозволителен — это моя ошибка!» На вопрос «Согласитесь, что ваша авария — просто подарок пуссинистам?» следует ответ: «Я думаю, что соблазн приходит всегда».

«Известия». В статье «На патриарха заявили в церковный суд» А. Лялякина сообщает о жалобе, поданной в суд Архиерейского собора Обществом защиты прав потребителей «Общественный контроль» и его председателем М. Аншаковым. Жалоба содержит обвинения в адрес патриарха Кирилла в лихоимстве (получение компенсации в размере 19 млн рублей за ущерб, нанесенный его квартире соседями), «в стремлении к роскоши» (ношение часов Breguet) и в «торговле в доме Божиим» предметами культа, сувенирами, ювелирными украшениями, выпечкой, медом, вином. Представители «Общественного контроля» заявляют: «Самым ярким примером может служить торговля в храме Христа Спасителя, фактически являющемся бизнес-центром». В ответ юристы патриархата убеждают: «На территории ХХС не ведется торговля, а происходит обмен предметов религиозного культа на денежные пожертвования». Активисты Общества требуют лишить председателя РПЦ Кирилла сана и отлучить от церкви, а относительно своей апелляции в суд отмечают: «Представители Церкви в процессе над Pussy Riot сами подали пример применения церковных законов в светском суде».

«Российская газета». Германский политолог А. Рар полагает, что раскол между Западом и Россией «происходит из-за разных мировоззрений. Запад давно живет в пост-

христианском мире, в то время как Россия пытается развиваться в духе неохристианства». «На Западе не поверили своим глазам, когда сотни тысяч россиян пришли в храмы поклониться афонской святыне — “поясу Богородицы”, о котором на Западе давно забыли. Когда Pussy Riot судили в Москве, сотни представителей западной творческой интеллигенции потребовали их немедленного освобождения, потому что, мол, скандально-протестное шоу панк-девиц в храме Христа Спасителя было легитимным выражением искусства». Рассуждения российских клерикалов о том, что панк-группа осквернила своим позорным выступлением священное место церковного амвона, где во время литургии причащаются верующие для прощения грехов, на Западе многим показались средневековым мракобесием.

Панк-молебен «Богородица, Путина прогони!» в исполнении Pussy Riot случился 21 февраля 2012 г. в храме Христа Спасителя. Три участницы панк-группы — М. Алехина, Н. Толоконникова и Е. Самуцевич — были арестованы по обвинению в хулиганстве по мотивам религиозной ненависти, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Полгода спустя, 17 августа 2012 г., по приговору Хамовнического суда, они были признаны виновными и осуждены на два года колонии общего режима. По словам судьи М. Сыровой, «подсудимые осознавали оскорбительный характер своих действий и внешнего вида. Намеревались придать своим действиям публичную огласку и общественный резонанс, хотели оскорбить не только служителей храма, но и широкую общественность, они нанесли глубокое оскорбление и обиду православным верующим». Патриарх Кирилл высказался о Pussy Riot: «Дьявол посмеялся над всеми нами».

В считанные дни ничем не приметные девушки из группы с забавным названием (букв. «бунт кисок») стали не то народными, не то антинародными героинями. По рейтингу медиа-внимания они сегодня претендуют на звание «человек года» в России, а с учетом того, что 2012-й — «Год российской истории», и на титул «человек в истории». Над их имиджем изрядно потрудились не только Интернет с Рунетом, но и РПЦ с Кремлем.

Само по себе выступление пестро одетых девушек в разноцветных масках, судя по видеозаписям, толком не вышло. В почти пустом храме они успели лишь выскочить на амвон, что-то выкрикнуть и наскоро перекрестить-

ся (в предыдущем перформансе в московском Богоявленском соборе в Елохове 19 февраля им удалось, по крайней мере, достать гитары прежде, чем их прогнала охрана). Реальной площадкой шоу стал Рунет, где был выложен смонтированный из разных фрагментов видеоролик, зазвучавший набатом на всю Сеть. Истерия предвыборной президентской гонки вынесла акцию на гребень политической волны, а арест девушек и гнев в их адрес патриарха придали им ореол и статус (по версии Международной правозащитной организации Amnesty International) «узниц совести». Президент РФ Д. Медведев заметил, что участницы Pussy Riot «получили то, на что рассчитывали, — популярность».

Перформанс был стилизован под православную молитву и состоялся на Масленицу. По этому поводу разгорелась дискуссия: одни клеймили Pussy Riot за кощунство, другие вспоминали народную традицию отмечать Масленицу карнавальными буйствами,⁵ третьи уверяли, что рок-аранжировки молитвенных песнопений обычны в современном мире. Некоторые даже увидели в их выступлении панк-православие или феминистское православие («моление» состоялось на амвоне у алтаря, где могут находиться только священники, и уж никак не женщины). Член Совета Федерации М. Капура отметил, что храм Христа Спасителя по сути превратился в мирское учреждение, где проводятся светские мероприятия и банкеты, что также могло дать повод для акции. Глава президентского Совета по правам человека М. Федотов заявил, что содеянное следует расценивать не как уголовное преступление, а как мелкое хулиганство, заслуживающее административного ареста на срок до 15 суток.

В Международный женский день 8 Марта в России и за рубежом прошли акции в защиту Pussy Riot. Вскоре коллективными усилиями были сложены «жития» пусек, как их ласково прозвали в народе и прессе. Выяснилось, что Н. Толоконникова училась на философском факультете МГУ и участвовала в начертании фаллоса на Литейном мосту, напротив здания ФСБ в Санкт-Петербурге (эта акция стала лауреатом премии «Инновация»); М. Алехина

спасала единственный в России можжевельно-фисташковый лес; Е. Самуцевич разрабатывала программное обеспечение для подводной лодки К-152 «Нерпа».

Со стороны православного сообщества последовали гневные осуждения панк-молебна и прочих акций Pussy Riot. Глава синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей В. Чаплин предупредил, что политики, не осуждающие эту акцию, «могут не рассчитывать на поддержку православных христиан». В марте в московских храмах начался сбор подписей прихожан под письмом генпрокурору РФ с требованием наказать всех «причастных к подготовке акции и распространению видеоролика». В июле представители детских и семейных учреждений Москвы создали коалицию «За нравственность» против Pussy Riot. Их внимание привлекли предыдущие акции панк-феминисток, в том числе групповое совокупление в Зоологическом музее и представление в супермаркете, где Е. Самуцевич «прилюдно засовывает замороженную курицу в половой орган» (из письма активистов генпрокурору РФ).

Пуськи были номинированы в 2012 г. на премию Европарламента «За свободу мысли» им. А. Сахарова и германскую премию «Бесстрашное слово» им. М. Лютера; они удостоены премии «Сделано в России» (в номинации «Арт-проект» журнала «Сноб») и премии мира правозащитной организации Amnesty International. В их поддержку и с их символической выступали М. Паттон (Faith No More), Мадонна и другие известные певцы.

В день вынесения приговора активистки украинского женского движения Femen спилили бензопилой и повалили поклонный крест в центре Киева в знак солидарности с «российскими коллегами» из группы Pussy Riot — «жертвами кремлевско-поповского режима» (из пресс-релиза движения Femen). «Крестоповал» последовал на Южном Урале и Русском Севере. В голландском Энсхеде были спилены три специально установленных для этого православных креста. На стенах храмов появились протестные надписи и рисунки. «Это моральный упадок общества, — прокомментировал священник мурманского храма св. Пантелеймона Целителя о. Владимир. — Надо создавать православные дружины, которые будут жестко разбираться с подобными вандалами» (И. Тверитинова, «Комсомольская правда»).

⁵ Например, по словам профессора Московской духовной академии протоиерея А. Кураева, «учиненное ими, конечно, безобразие, но — законное безобразие... Масленица на дворе. Время скоморошества и перевертышей... Во времена Петра Великого такого рода выходки в такие дни были в порядке вещей (точнее — в масленичном беспорядке)».

«Явление Pussy Riot народу» — случай вполне антропологический. С одной стороны, юродство издавна соседствовало со строгим ритуалом, но обычно не вызывало обильных политических эмоций (пусси-случай знаменателен тем, что церковь поддалась очередному искушению и всерьез приняла «игру пусек»). С другой стороны, в этом юродстве звучит зычный глас природы: «бунт пусек» — ответ на «зажим пусек» со стороны религии. Всегда и везде религии стремились к контролю над стихией плоти; при этом одни, вроде тантризма, культивировали секс, а другие, вроде христианства, жестко его регламентировали. Pussy в лоне церкви — проявление древнего архетипа (по выражению К. Юнга) или подавленного влечения (по выражению З. Фрейда) в версии феминизма XXI в. Постмодерн, в котором нашли себя девушки-пусси, априори, а в их случае агрессивно, отторгает метаидеи, в том числе тотальные религии и идеологии. Кто считает это ментальным садомазохизмом, пусть вспомнит религиозные войны и идеологические репрессии: людям свойственно терзать себя и свою веру, а в России, по наблюдениям некоторых аналитиков, и вовсе обнаруживается «мышление катастроф».

Современный мир сыт былым героизмом и предается доступным, множась в ассортименте, утехам. Мечты сменились меню. Сегодняшний гиперсоциальный мир обходится кино- и кибергероями. И разноцветными пусси-девушками, которые органичны в индустрии развлечений (вид «экстрим»), у которых ники вместо имен и балаклавы вместо голов.

Безликая пусси — лицо нашего времени или, по крайней мере, одно из лиц. Это лицо чувствует себя вполне уютно и в следственном изоляторе, и у царских врат алтаря, и в истории. После вынесения судебного приговора пусси Толокно (ник Н. Толоконниковой) спросили: если вернуть время вспять, повторили бы вы протестную акцию? Ответ был достоин Марфы Посадницы и Жанны д'Арк: «В истории нет сослагательного наклонения».

Пуссизм вырос в царстве симулякров (по выражению Ж. Бодрийяра) — псевдощей, псевдолюдей, псевдоидей. Здесь синтетика вместо органики, пиар вместо дел, вирт вместо реала, стерхи — и те из инкубатора. Может быть, так было всегда, и сегодняшняя реальность состоит из симулякров разных эпох, и вся история — синтетическая? А будущее? Какое оно, если даже на деловом Урале ма-

яками развития на предстоящие годы определены чемпионат мира по футболу 2018 г. и выставка ЭКСПО-2020?

От турбулентности и тревожных псевдомыслей в голове началась пляска слов: «Спаситель», «синтетика», «сослагательное». Почему наклонение, а не выпрямление? Чем сослагательное хуже повелительного?

Словесный дизайн

«Российская газета», С. Караганов. «Похоже, на первый план в определении силы и влияния государств и обществ... выходят позиции, занимаемые ими в мире информации, идей и образов... Если бесконечно ругать страну, то у ее народа сложится устойчивый образ неудачника. Платить за него придется будущим поколениям». Далее автор задается вопросом, что может быть брендом России. «Продавать» можно, по его мнению, «гордую историю военных побед, оружие, переработанное сырье, продовольствие, гигантские размеры и возможности. Но главное, что можно и нужно продавать, — русскую культуру и искусство. Здесь Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Пастернак, Солженицын, Чайковский, Дягилев, Шостакович оставили уникальный, может быть, лучший в мире бренд». Чего нельзя продавать? «Малопримечательную русскую политическую систему... русские автомобили, русские лекарства. Увы, русскую кухню. (Не надо заранее обижаться — американская или тем более английская — гораздо хуже)». Нельзя продавать климат: «вот уже 200 лет на Западе Россию не представляют без ужасных образов, среди которых и Генерал Мороз».

Политический обозреватель благодушно рассуждает об очередности продажи Пушкина, гордой истории побед, Солженицына. Понятно, что делает он это из добрых и даже патриотических побуждений. Тем поразительнее траектория триумфа слова «продажа», еще недавно звучавшего как оскорбление и обвинение.

Вообще-то «бренд» — товарно-фирменный знак, и применительно к людям и территориям это понятие может служить лишь имиджево-рыночной метафорой. Постсоветская ментальная революция столь стремительна, что за два десятилетия коммунистические ценности почти без остатка конвертировались в условные единицы рынка. Одним из таких эквивалентов стал «бренд», который удобнее «образа» или «имиджа» тем, что напрямую ориентирован на информационное поле рын-

ка. Однако в России тема бренда неизменно переходит в дискуссии об имидже, достоинстве, идентичности. Если в Европе брендами, предлагаемыми к «продаже», служат давно сложившиеся и устоявшиеся черты имиджа и культуры, то в России всякий раз обнаруживается незрелость имиджа-бренда, необходимость его додумать, доизобрести, достроить новыми мифами. При этом российское «культурное сырье» обрабатывается на европейский манер и с угодливой ориентацией на внешний спрос. Отечественные брендмейкеры на редкость дружно используют чужую символику (на просторах России почему-то особенно повезло Швейцарии: что ни приятный горный пейзаж, то непременно «Швейцария» — уральская, сибирская, северная, дальневосточная, — будто для жителей Алтая и Урала нет ничего роднее Альп).

Псевдобренд такого рода всегда подражателен и вторичен, как «догоняющая модернизация». Реальный бренд самобытен и неповторим, причем не только по содержанию, но и по технологиям позиционирования. Чем плох Генерал Мороз? Только угодливостью «эффективных менеджеров», которые пытаются его отогреть и превратить в слякоть и грязь. Мороз (со Снегурочкой или в генеральской папаше), как и Север с его самобытным культурным наследием и впечатляющей мифологией, — естественный и мощный образ (бренд) России, если его позиционировать как достояние, а не как оплошность природы. И пицца русская вкусна по-русски, как и татарская — по-татарски.

Земля наша с летописных времен «велика и обильна», но пресловутое сырьевое мышление мешает цвести на ней самобытным культурным явлениям. Едва они появятся — их тут же пытаются стилизовать (стерилизовать) под «мировые стандарты» и суетливо продать. Между тем «цена изделия» во многом определяется независимым и устойчивым имиджем производящей среды (сообщества, территории, корпорации). Российской среде недостает обращенности на себя и в себя — самопознания, самосознания и самодостаточности. Причем не по «табели о рангах» и формальным заслугам, чего у нас в избытке, а по эффективному творчеству и персональному достоинству, без чего немислима гармонизация инициатив и ответственностей. В России нет иного дефицита, кроме достоинства.

Многие проблемы России коренятся в размытой и подавленной идентичности постсоветских людей. Подавленная идентичность

может стать негативной. Например, накануне и после краха СССР на месте советскости возникла антисоветскость. В. А. Тишков отмечает, насколько нелепо выглядят проявления постсоветского самоуничтожения вроде размноженных масс-медиа пассажей о «родине-уродине», «мерзостях российской жизни», «океане бедности», «национальной катастрофе России».⁶ Эта позиция выражается и в негативных оценках происходящих перемен, хотя очевидны позитивные сдвиги в так называемом материальном благосостоянии: если в 1990-е актуален был голод, то в 2000-е — лишний вес.

Велика роль названия. Словесный дизайн картины мира формирует мотивации и жизненные смыслы. Слова не только описывают, но и создают реальность — не напрасно Писание ставит в начало Слово. М. Блок настаивал: «Появление слова — это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде; он отмечает, что наступил решающий период осознания. Какой великий шаг был сделан в тот день, когда приверженцы новой веры назвали себя христианами!».⁷

Дизайн картины мира с яркими ориентирами и виртуозной словесностью — профессиональное дело художественной и научной элиты. Досадно, что она расходует львиную долю своего потенциала на брюзжание и бичевание. И не только потому, что плохо получается картина мира, но и потому, что хорошо получается картина антимира. Или пустота, которую обживают и настраивают на свой лад «эффективные менеджеры».

Интеллектуальная элита не удержала под контролем даже бренды собственных учреждений, включая их названия. Организации, в которых я работаю, называются сегодня ФГБУН «Институт истории и археологии УрО РАН» и ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет». За что нас так — ФГАОУ ВПО? С чем рифмуется ФГБУН? Почему суть в кавычках, будто иносказание?

Для справки: ФГАОУ ВПО — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования, ФГБУН — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки. Есть еще ФГБОУ ВПО (например, «Московский государственный университет»), ГОУ ВПО,

⁶ Тишков В. А. О российском народе. М., 2006. С. 7–10.

⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 95.

ФГУП, ГНУ и другие причудливые аббревиатуры, красующиеся на титулах изданий, в авторефератах диссертаций и программах конференций, уставах и списках участников ассоциаций и проектов. Слышу скрежет в мозгу лингвиста, когда он представляет свое учреждение — ФГБУН «Институт языкознания РАН».

Даже советская власть с ее маниакальной тягой к переименованиям берегла достоинство академии и университетов, аккуратно внедряя в их названия слова вроде «государственный». Что случилось со вкусом просвещенных людей XXI века? Чьей неразборчивости обязаны храмы наук подобной «стилизацией» имиджа?

В мягком варианте это просто недосмотр секретарши, забывшей в конце рабочего дня вымарать лишнее, после чего запущенное в поток делопроизводства «лишнее» стало буквой закона. В жесткой версии это ментальная патология, вызванная подавлением чувства слова и чувства меры у целой когорты чиновников. Может быть, второе состояние тоже спровоцировано первым — зевком усталой секретарши. Во всяком случае изящная словесность переживает не лучшие времена под бременем политико-правовой ответственности. Чего стоит только название высшего законодательного органа нашей страны — «Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». По «принципу вертикали» этот стиль уже овладевает массами — в Уральском федеральном университете исторический факультет называется ныне Департамент «Исторический факультет» ИГНИ УрФУ.

Размышления о том, что бюрократизация сама по себе социально естественна, но без противовесов так же естественно впадает в извращения, вызывают в подсознании дребезжание слогов в ритме назидания: «Вот уж действительно факт показательный». Или лучше «поучительный»? Или «поразительный»? Что если этот абсурд — на самом деле прорыв привычных норм и позднее из него вырастет нечто новое, которое станет очередной нормой, а будущая история, пролистнув миг абсурда, оценит случившийся сдвиг как поступь прогресса? Странно, что текущая еще-не-история полнится сослагательным наклоном, а свершившаяся уже-история этого наклона якобы «не знает».

Изречением «история не знает сослагательного наклона», оригинал которого приписывают то И. Сталину, то К. Хампе

(Die Geschichte kennt kein Wenn — «История не знает “если”»), обычно прерывают споры об альтернативах. Но сослагательное наклонение тем упрямее возвращается в историю, чем усерднее его изгоняют. Четверть века назад, например, неоспоримый факт (главный факт всемирной истории) состоял в том, что в 1917 г. произошла «Великая Октябрьская социалистическая революция». Позднее выяснилось, что она не «великая», не «социалистическая», не «октябрьская» (с поправкой на стиль времячисления) и, по ряду оценок, не «революция» (а лишь смена имперской элиты). Факт оказался фигурой слов и был перемещен из папки «Факты мировой истории» в папку «Факты советской идеологии» — так в течение полувека (с конца 1930-х до начала 1990-х) в СССР называли события осени 1917 г.

Но речь даже не об истории как «политике, опрокинутой в прошлое» (М. Н. Покровский). Мне всегда казалось, что история, опирающаяся на так называемые сухие факты, лукавит не меньше голой статистики. Собственно наука начинается там, где осмысляются повторяющиеся сюжеты (по закону жанра единичность не может быть предметом науки), где рассматриваются феномены и сценарии. Именно в этом измерении история — как феноменология и свод сценариев — представляет собой актуальный опыт прошлого, навигационную ментальную карту. В реальной живой истории (а не в перечне «итога») альтернатив было ровно столько, сколько их было и остается в реальной жизни, и исследование эпизодов выбора в алгоритме мотив-решение-действие (другими словами, преобразование «наклонений» с непременным участием сослагательного) представляется фундаментальным для науки.

Полезна и история отрицания истории, вернее, выбора «порочной» альтернативы. Знаний, в том числе исторических, хватало всегда (а сейчас их избыток), но актуализируются лишь те, которые, подобно народным поговоркам на все случаи жизни, соответствуют ситуации и мотивации. Часто выбор определяется не эталонными образами и правилами, а чем-то вроде архетипа (по К. Юнгу) или габитуса (по П. Бурдьё). Разве чиновники не знают, что красть предосудительно? Разве обыватели не ведают, что плебейская покорность питает диктатуру? Однако и те и другие делают «порочный» выбор не на основе знаний, а по стечению обстоятельств и обязательств,

обрекающих их на этот выбор. Мой знакомый кинорежиссер, часто снимающий чиновников, заметил, что в их среде не принято выражение «по моему мнению»: бюрократы говорят то от лица высшей власти, то от имени народа, а тот, кто позволяет себе персональные выражения и настроения, быстро теряет позиции.

Обозреватель Л. Радзиховский в «Российской газете» уныло замечает, что времена меняются, а бюрократия («наше все!») умело хранит свойственное России «сверхтяжелое бюрократическое ядро, вокруг которого вращаются микро-частицы рахитичного гражданского общества... Бюрократия, как сверхмощный магнит, искажает все рыночные траектории, вместо собственности у нас в стране — властесобственность».

Казус российской истории состоит в том, что у главного ее героя, чиновничества, нет лица. Есть маски — закона, народа, верховного правителя, — но личности нет, она размыта в ауре вездесущей власти. Писать такую историю трудно: получается история масок. Как в реальной жизни чиновник избегает персональной ответственности, так и в истории он лишен персональных черт (исключение составляют амбициозные, рано или поздно опальные, чиновники вроде кн. А. Курбского, патриарха Никона, кн. М. Гагарина, Л. Троицкого). Срывать маску нельзя: бюрократ без нее не существует. Остается только одно — феноменология чиновничества ради понимания его внутренних ценностей и механизмов.

Члены этого самобытного сообщества могут называть себя слугами царя или народа, поклоняться Христу или Марксу, радеть об экономике или рождаемости. Однако это лишь внешние и часто фиктивные функции. Чиновничество — самоценность. Его внешняя миссия — контроль над социальным пространством посредством различных комбинаций управления-служения — подчинена его внутренней миссии, состоящей в поддержании безопасности и сплоченности своего сообщества с его особыми жизненными идеалами и материальными привилегиями, социальным статусом и солидарностью, корпоративными ритуалами и развлечениями.

Это сообщество обходится без законов, даже если обильно их плодит; оно само по себе — воплощенный «живой закон». Поэтому реальная власть в России, как подметил Ю. С. Пивоваров, осуществляется не «институтами», а всякого рода «чрезвычайными комиссиями» (ЧК). «Существование ЧК не за-

креплено в фундаментальных нормативных актах. Для этих органов возможен выход за пределы права; их действия нередко носят полуправильный (и даже секретный) характер».⁸

Российской истории недостает «экранизации» образа чиновничества. Все остальные активные персонажи — правители, мятежники, поэты, землепроходцы — повисают в небытии без главного героя. От этого их собственные деяния выглядят плоско, без реальной драматургии, и опыт всей истории оказывается «оторванным от жизни». «Неуловимость бытия власти»⁹ выглядит странно при ее вездесущности. В исторических сочинениях чиновничество присутствует, но в масках «заботы государства», «интересы народа», «объективные потребности общественного развития», а его действия выражены страдательным залогом: «проведена чистка партийных рядов», «осуществлены реформы», «приняты решения».

Честно говоря, не вижу иного способа поладить с чиновничеством, кроме как изучить его антропологически и исторически. Выведение его из «теневых оборотов» истории — не разоблачение по западным канонам (они в этом только дезориентируют), а название явлений своими именами (что и требуется от феноменологии). В оптимистическом сценарии самопознание и внятная самоидентификация чиновничества избавят его от тяжелого бремени полуслуг-полугоспод и создадут основания достоинства и ответственности. В этой перспективе неистребимое чиновничество может превратиться из изъяна России в «продаваемый бренд» (как мандарины и их наследники-бюрократы в Китае).

11 сентября возвращается

Полет подходит к концу, пора пристегнуть ремни. В самолете грех не вспомнить событие одиннадцатилетней давности — страшный теракт в США, показавшийся тогда (или на самом деле оказавшийся?) поворотным днем истории. Три газеты в моих руках о нем молчат, словно сегодня не годовщина. Может быть, потому что не юбилей? (слово какое-то неподходящее, но наша страна чутка к юбилеям). Или потому что жертвы авиавзрывов и рухнувших башен-близнецов spolна отмщены убийствами Усамы бен Ладена, Саддама Хусейна, Муамара Каддафи и тысяч их сподвижников?

⁸ Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 23.

⁹ См.: Редин Д. А. «Человеческое» измерение власти (субъективный взгляд историка) // Урал. ист. вестн. 2011. № 3 (32). С. 4.

Если у США получится новый мировой порядок, 11 сентября станет вехой мировой истории. Но пока эта трагедия не стала, несмотря на шквальную пропаганду, объединяющим горем человечества. На другую чашу весов ложатся одна за другой жертвы Сербии, Афганистана, Ирака, Ливии. В ответ на агрессивный экспорт «общечеловеческих ценностей» мобилизуются старые религии, крепнет этнонационализм. «Арабская весна», которую Запад пытается представить новой волной демократических революций, расцветает исламизацией. Европа, шокированная «колонизацией-вспять», отшатнулась от мультикультурализма.

Российские газеты осторожно обсуждают тему межнациональных конфликтов. А. Коновалов в «Известиях» озаглавил свою статью «Минрегионразвития решит межнациональные конфликты on-line». По плану чиновников, пропагандой межнациональной толерантности займется официальный сайт odnastrana.ru, доселе непопулярный, но намеренный впредь

крепить дружбу народов. Тут же Д. Рункевич сообщает, что прокуратура проверит сеть «В Контакте» на предмет пропаганды экстремизма: в ней обнаружили сотни видеороликов запретного содержания (организации «Хизб ут-Тахрир», выступлений Д. Умарова и других активистов кавказского бандподполья).

В последние месяцы этно-тема звучит как-то обреченно, будто тревожное предчувствие. Казалось бы, мир перешагнул планку национализма и успешно глобализуется. Однако глобализация усилила риск столкновения разных ценностей и позиций, которые, как оказалось, для молодежи значат не меньше, чем для стариков. Кроме того, почему-то именно в этничности и религиозности до сих пор реализуется человеческая энергетика, которую не удастся заменить рациональными схемами и свежееиспеченными симулякрами.

Самолет садится, я долиствываю газеты. Жаль, что в них не оказалось того, что я искал, готовясь писать эту статью, — упоминания «Года российской истории».

Ключевые слова: *год истории, антропология, феноменология, бренд, постмодерн*

Andrei V. Golounev

Member of the RAS

Institute of History and Archaeology, Ural branch, RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Andrei_Golounev@bk.ru

HISTORY ON-LINE

Author presents the history as mobile net of information which could be figured out by various situations, motives, associations, and scenario, rather than the multivolume edition standing on the bookshelf. He describes an episode of his own life, one recent air-flight, when while reading occasional newspapers he observes, in historical context, the panorama of events highlighted in mass-media. Among others these are President Putin's flight with the cranes, problem of cosmonautics, Pussy Riot case, conditions of science and universities, images and brands of Russia. Author wonders would it be history indeed what is happening now and seems to be important?

Key words: *year of history, anthropology, phenomenology, brand, postmodern*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Bloch M. Moscow: Nauka, 1986, 256 p. (in Russ.).

Durkheim E. Moscow: Nauka, 1991, 573 p. (in Russ.).

Izvestiya (Tidings), 2012, September 11. (in Russ.).

Komsomolskaya Pravda (Komsomol Truth), 2012, September 11. (in Russ.).

Pivovarov Yu. S. Moscow: ROSSPEN, 2006, 168 p. (in Russ.).

Redin D. A. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2011, № 3 (32), pp. 4–8. (in Russ.).

Rossiyskaya gazeta (Russian Newspaper), 2012, September 11. (in Russ.).

Tishkov V. A. Moscow: "Yedinaya Rossiya", 2006, 46 p. (in Russ.).